

ЯРОСЛАВ
СЕВЕРЦЕВ

Иногда
великие
открытия
начинаются
с дивана
😊

ШО
БУДЕТ,
ТО БУДЕТ
😊

ЛУНА
ЭНЕРГИЯ
ДЕНЬГИ
СЕМЬЯ
БОЛЬШИЕ ПЛАНЫ

БОЛЬШОЙ КУШ
МАЛЕНЬКОГО ТЮЦА

ФАНТАСТИЧЕСКО-БЫТОВАЯ КОМЕДИЯ

Ярослав Северцев

Большой куш маленького поца

<https://litres.ru/74482068>

SelfPub; 2026

Аннотация

У тридцатилетнего Семёна Бланкштейна дела шли так «хорошо», шо в карманах у него оставалось больше долгов, чем денег, а единственной стабильностью в этой жизни была тётя Соня — монументальная женщина, способная одним взглядом закрыть международную кредитную линию и открыть уголовное дело без санкции прокурора.

И вот однажды она ставит Сене ультиматум: старый дедовский диван должен исчезнуть из гостиной до девятнадцати ноль-ноль, иначе Сене предстоит делать себе нервы на балконе в компании квашеной капусты. Сеня делает то, шо умеет лучше всего в Литейном районе: продаёт древнюю, облысевшую от забот развалюху первому поцу, готовому заплатить наличными и без торга.

Сделка века состоялась, и в воздухе уже запахло свободными деньгами.

Вот только вскоре выясняется, шо покойный дедушка Арон был не просто скромным часовщиком, крутившим будильники в мастерской на углу. А проданную тахту теперь разыскивают очень серьёзные люди с большими деньгами и плохим выговором.

Содержание

От автора	4
Глава 1. Рождение комбинатора и смерть дивана	6
Глава 2. Продажа века за три копейки	13
Глава 3. Завещание деда Арона	20
Глава 4. Схватка за валидол	28
Глава 5. Первый след и шпионские страсти	35
Глава 6. Охота начинается	41
Глава 7. Диван уходит на восток	46
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Ярослав Северцев

Большой куш

маленького поца

От автора

Всё написанное в этой книге является плодом исключительно авторского воображения, подстёгнутого крепким чаем и глубоким уважением к классическим традициям житейского юмора.

Все персонажи этой истории являются вымышленными. Любые совпадения их имён, фамилий, привычек, интонаций или долгов с именами реальных людей — живых, увы покойных или временно отсутствующих по семейным обстоятельствам — являются абсолютно случайными, непреднамеренными и вообще чистой индукцией эфира.

Ни один старый диван, чехословацкий шпон или представитель коммунальных служб в процессе написания данной истории физически не пострадал. Всё остальное настоятельно не рекомендуется проверять в домашних условиях без письменного разрешения вашей тёти и квалифицированного сантехника из ЖЭКа.

Автор искренне надеется, шо эта книга принесёт вашему

дому столько же радости, сколько хороший гешефт, сделанный вовремя.

Шалом!

Глава 1. Рождение комбинатора и смерть дивана

Если бы за невезение давали ордена, Семён Маркович Бланкштейн уже ходил бы в чине генералиссимуса и не помещался в двери от тяжести наград. Но за невезение в этой жизни дают только по шее — причём бесплатно и без очереди.

Сене шёл тридцать первый год — возраст, когда приличные еврейские юноши уже имеют свой маленький гешефт, приличную плешь, троих детей и жену, которая пилит их с интонациями Лондонского симфонического оркестра. Сеня же имел только долги, три неоконченных высших образования — философия, ихтиология и бухгалтерский учёт, прости господи, — и дивную способность влипать в истории, от которых у любого страхового агента начинался нервный тик.

В тот вторник Сеня сидел на кухне, подперев голову кулаком, и меланхолично смотрел на муху, которая с трудом ползла по краю сахарницы.

Муха выглядела уставшей от жизни.

Сеня сочувствовал ей как родной.

— Сеня, я не поняла! — раздался из коридора голос, от которого у мухи случился инфаркт, а Сению подбросило на стуле.

В кухню вошла тётя Соня.

Описать тётю Соню двумя словами было невозможно, тремя — опасно для здоровья. Это была монументальная женщина с харизмой ледокола «Ленин» и габаритами хорошего платяного шкафа. Она несла перед собой кастрюлю с борщом так, словно это была корона Российской империи, и горе тому, кто посмел бы усомниться в её праве на престол.

— Сеня, я спрашиваю тебя как мать, хотя по паспорту я твоя тётка, и это моё несчастье: почему этот памятник мебельного зодчества времён штурма Измаила до сих пор стоит в моей гостиной и делает мне нервы?

Тётя Соня с грохотом опустила кастрюлю на плиту.

— Тётя Соня, диван имеет историческую ценность... — робко начал Сеня, пытаясь сползти со стула.

— Историческую ценность? — Тётя Соня всплеснула руками так трагично, что в серванте звякнул хрусталь. — Этот шлемазл называет исторической ценностью кусок гнилого поролона и пружины, которые кусают меня за интимные места каждый раз, когда я пытаюсь посмотреть передачу про здоровье! Дед Арон, чтоб он был нам здоров на том свете, спал на этом диване ещё тогда, когда Ленин был маленький и с кудрявой головой. — Из него уже песок сыплется, Сеня! Ещё немного — и я начну брать с тебя деньги за аренду пляжа в собственной гостиной!

Диван действительно был легендарным.

Он занимал половину гостиной, пах столетней пылью, ста-

рыми газетами и немного — мятными каплями деда Арона. Обивка, когда-то благородного бордового цвета, теперь напминала шкуру облысевшего от забот медведя. Пружины внутри жили собственной, глубоко независимой от законов физики жизнью: могли часами молчать, а потом с грохотом выстрелить вверх, пугая семейного кота до состояния невестомости.

— Тётя Соня, но ведь на нём спал дедушка... — предпринял последнюю попытку Сеня.

— Дедушка Арон был гений, но у него были свои прибабухи, — отрезала тётя Соня, уперев руки в бока. — Он сорок лет крутил гайки в своём часовом бюро, а по ночам писал какие-то формулы на обоях за этим самым диваном. И где теперь те формулы? Обои переклеили, дедушка в лучшем мире, а диван остался, чтобы пить мою кровь? К нам сегодня привозят новую стенку. Чехословацкую! Массивная, красивая, шпон блестит, как лысая голова профессора Каца! Куда я её поставлю? Себе на голову? Или, может быть, тебе на спину, чтобы ты наконец пошёл искать работу, а не создавал видимость умственной деятельности?

Сеня вздохнул.

Против чехословацкого шпона аргументов не было.

— Ладно, — сдался он. — И шо я должен с ним сделать? Выбросить на помойку? Так за вынос крупногабаритного мусора дворник Михеич потребует бутылку, а у меня в кармане только дыра и воспоминания о прошлой стипендии.

Тётя Соня посмотрела на племянника со смесью глубокой жалости и искреннего презрения.

— Выбросить? Сеня, ты точно Бланкштейн по матери или тебя подменили в роддоме цыгане? Выбросить вещь — последнее дело. Вещь надо продать! Интернет у тебя в телефоне есть? Есть. Ты в нём сидишь круглые сутки, как прыщ на ровном месте. Напиши объявление на этом ихнем сайте. «Продаётся винтажный диван ручной работы. Помнит царя. Дарит незабываемые ощущения». Поставь цену... ну, пускай будет три тысячи. Сторгуешься за полторы — и бог с ним. Главное, чтоб эти дрова исчезли из моего дома до девятнадцати ноль-ноль! Если в семь вечера диван будет тут, Сеня, ты будешь спать на нём на балконе. А на балконе, напоминаю, сейчас не май месяц, там у меня киснет капуста, и ей тоже тесно!

Оставив последнее слово за собой — а по-другому у тёти Сони не бывало в принципе, — она величественно удалилась в спальню устраивать послеобеденный отдых своим измотанным Сениным существованием нервам.

Сеня остался один на один с неотвратимым роком.

Он достал потрёпанный смартфон. Экран был треснут в трёх местах так художественно, что напоминал паутину одиночества. Сеня открыл приложение объявлений.

«Так, — подумал он, почесывая нос. — Если я напишу “продам старые дрова”, никто не придёт, даже чтобы плюнуть. Надо сделать рекламу. Маркетинг — это когда ты про-

даёшь кошачий корм так, будто это чёрная икра. Только для кошек».

Он подошёл к дивану и сделал три фотографии с самых выгодных ракурсов — там, где дыры в обивке выглядели не результатом жизнедеятельности моли, а дизайнерским ходом в стиле «прованс». Потом сел и начал набирать текст, подбирая слова с тщательностью старого ювелира:

«Продаётся не просто диван, а член семьи с глубоким внутренним миром. Изготовлен в начале прошлого века, когда мастера ещё имели совесть, а дерево — душу. Стиль — неувядающая классика с элементами домашнего уюта. Пружины обладают такой прыгучестью, что после первого же приземления начинаешь особенно остро понимать бренность бытия. Обладает терапевтическим эффектом: сидение на нём развивает выдержку и укрепляет характер. Цена — 3000 рублей. Самовывоз. Срочно, ибо хозяйка квартиры делает мне такой скандал, шо регулярная армия сдалась бы через пять минут».

Сеня перечитал.

Получилось поэтично.

Он нажал «Опубликовать» и с чувством выполненного долга отправился на кухню — проверить, не осталась ли в кастрюле хоть одна сиротливая котлетка, не замеченная тётей Соней.

Котлетки не было.

Тётя Соня вела учёт продовольствия с точностью швей-

царского банка.

Сеня вернулся в комнату и сел на стул.

Прошло ровно семь минут.

Смартфон в его руке вдруг затрясся так неистово, словно в него вселился бес. Экран замигал. Незнакомый номер.

Сеня сглотнул и нажал на зелёную трубку.

— Алло? — произнёс он голосом человека, который ждёт как минимум вызова в налоговую.

— Здравствуйте, — раздался на том конце глуховатый голос.

Человек дышал так часто, будто только что пробежал марафон в зимнем пальто.

— Это вы продаёте... объект?

Сеня нахмурился.

— О каком объекте вы говорите? Я продаю диван. Исключительно диван. Ну, если вам очень надо, могу уступить старый торшер, но у него провод коротит.

— Да-да, диван! — Голос сразу стал суетливым. — На Литейном? Объявление актуально?

— Пока да.

— Я забираю.

Сеня замолчал.

— Простите?

— Прямо сейчас. Снимайте объявление, я забираю. Плачу наличными. Без торга!

Вот тут Сеня насторожился окончательно.

Человек, добровольно покупающий этот диван без торга, либо совершенно не понимал, что делает, либо, наоборот, понимал слишком хорошо.

— А посмотреть? — осторожно спросил Сеня.

— Посмотрю на месте. Скоро буду!

Связь оборвалась.

Сеня несколько секунд слушал короткие гудки, потом медленно опустил телефон и посмотрел на диван.

— Шо-то мне это не нравится, — пробормотал он. — Человек покупает эти дрова без торга и так спешит, будто за ним гонится батальон кредиторов. Либо он сумасшедший коллекционер поролона, либо...

За дверью гостиной послышался сокрушительный храп тёти Сони.

Сеня подумал ещё секунду.

Кто бы ни был этот покупатель, сейчас он казался ангелом-хранителем.

Потому что связываться с сумасшедшим коллекционером поролона было куда безопаснее, чем объяснять тёте Соне после семи вечера, почему диван всё ещё стоит в гостиной.

Глава 2. Продажа века за три копейки

Ровно через двадцать минут после телефонного разговора в дверь Сениной квартиры позвонили. Звонили не так, как звонят приличные люди — интеллигентно и два раза, а так, словно в дом ломился отряд милиции, у которого горит план по раскрытию краж.

Сеня подпрыгнул на стуле, бросил косой взгляд на дверь спальни, откуда всё ещё доносился победный храп тёти Со-ни, и на цыпочках побежал в прихожую.

На пороге стоял покупатель.

Вблизи он выглядел ещё более странно, чем звучал по телефону. Это был маленький, сухопарый человек неопределённого возраста, одетый в длинный плащ мышинового цвета. На носу у него покоились огромные очки в роговой оправе, за стёклами которых его глаза казались размером с два хороших подстаканника. Незнакомец прижимал к груди потёртый кожаный портфель так, словно внутри лежали как минимум ключи от швейцарского банка. За его спиной в подъезде маячили двое угрюмых парней в одинаковых серых кепках — с лицами людей, которые за всю жизнь не прочитали ни одной книжки, включая букварь.

— Вы Семён? — шёпотом спросил очкастый, воровато

оглядываясь по сторонам и пытаясь заглянуть Сене через плечо.

— Допустим, Семён, — осторожно ответил Сеня, перекрывая собой проход. — А вы, стесняюсь спросить, тот самый ценитель антиквариата, который дышал в трубку, как паровоз «Иосиф Сталин»?

— Да, да, я! Моя фамилия... пускай будет Иванов. Я по поводу дивана. Где он? Покажите мне его немедленно, время дорого!

Человек в плаще попытался протиснуться внутрь, но Сеня деликатно, но твёрдо выставил вперед локоть.

— Молодой человек, или как вас там по паспорту, — с лёгким упрёком сказал Сеня. — Во-первых, здравствуйте. Во-вторых, у нас в доме так не принято. Диван — это вам не коробка спичек, это вещь с биографией. Вы хотите на него посмотреть или вы хотите устроить мне тут обыск без санкции прокурора?

— Извините. — Иванов нервно поправил очки, сползшие на кончик носа. — Я просто... очень ценю старинную мебель. Особенно фабрики «Красный Октябрь» тысяча девятьсот тридцатого года. Это моя страсть. Мой пункт, понимаете?

«Страсть у него, как же, — подумал Сеня, внимательно оглядывая визитёра. — У этого поца на лице написано, шо его страсть — уголовный кодекс, причём со стороны обвинения. Ну да ладно. Мне-то какое дело? Главное, чтоб унесли».

— Ну хорошо, страстный вы наш, проходите. Только тихо, — шепнул Сеня. — Там в спальне отдыхает моя тётя Соня. Если вы её разбудите, вам не помогут ни ваши грузчики, ни даже международный Красный Крест. Она решит, шо вы пришли украсть её молодость, и сделает из вас фарш для пельменей.

Они гуськом прошли в гостиную. Два амбала остались караулить в коридоре, подпирая плечами вешалку для пальто.

Увидев диван, гражданин Иванов замер.

Он сделал один шаг, другой, словно подкрадывался к редкому зверю в зоопарке. Сеня готов был поклясться, что у покупателя даже зубы застучали.

— Он... — благоговейно прошептал Иванов. — Это действительно он. Обивка «бордо», пружинный блок системы «Триумф»... Какое кощунство было держать его в таких условиях!

— Шо вы имеете в виду под «такими условиями»? — оскорбился Сеня. — На этом диване, между прочим, выросла целая династия Бланкштейнов! Он воспитал во мне характер! Каждая его пружина — отдельная страница нашей семейной драмы. Вы посмотрите на этот изгиб подлокотника. Это же чистый модерн. Если смотреть издалека и при плохом освещении.

Иванов его уже не слушал.

Он упал перед диваном на колени — прямо в своём плаще на старый паркет — и принялся лихорадочно ощупывать

нижнюю часть сиденья. Пальцы двигались с быстротой пианиста, исполняющего «Полёт шмеля». Иванов простукивал деревянный каркас, что-то бормотал под нос и даже, кажется, разок лизнул обивку.

Сеня смотрел на него со смесью восторга и тихого ужаса.

«Так. Или этот гражданин сбежал из дурдома, где лечат любителей мебели, или диван сделан из чистого золота, а я тридцать лет сидел на нём задом и не знал своего счастья. Надо срочно поднимать цену, пока он не пришёл в себя».

— Вы знаете, гражданин Иванов... — Сеня громко откашлялся. — Тут такое дело. Пока вы ехали, мне звонили из музея. Сказали, шо этот диван принадлежал лично какому-то графу, который бежал от революции в одних кальсонах, но диван бросить не смог. Так шо три тысячи — это была, знаете ли, цена для привлечения внимания. Настоящая цена этого шедевра... ну, скажем, пять тысяч. И это я ещё делаю вам скидку на бедность вашего плаща!

Иванов резко прекратил свои изыскания, поднялся с колен и посмотрел на Сеню. В глазах у него горел совершенно безумный огонь.

— Пять? — глухо переспросил он. — Молодой человек, вы сумасшедший?

— Я? — возмутился Сеня. — Вы лижете мою мебель, а сумасшедший я?

— Пять тысяч — это копейки!

Иванов засунул руку в карман плаща, вытащил толстую

пачку хрустящих купюр, перевязанных аптечной резинкой, и швырнул её на стол.

— Здесь десять тысяч! Сдачи не надо. Но с одним условием: мои люди забирают диван прямо сейчас. Договорились?

Сеня посмотрел на деньги.

Они были настоящие. Пахли банковской краской и новой жизнью.

В голове у Сени мгновенно заиграл оркестр, а внутренний голос интонациями тёти Сони запел: «Сеня, бери деньги, пока этот поц не передумал!»

— Таки ладно, — солидно сказал Сеня, аккуратно придвигая пачку к себе. — Я вижу, вы человек тонкой душевной организации, и спорить с вами — только портить карму. Забирайте ваши дрова. Но напоминаю: тихо!

Иванов сделал знак рукой.

В комнату вошли оба здоровяка. Они подхватили диван с двух сторон так легко, словно это был не стокилограммовый монстр с чугунными пружинами, а коробка из-под обуви.

— Осторожнее на поворотах, — напутствовал Сеня. — И не поцарапайте косяк. За косяк тётя Соня снимет с меня стружку.

Процессия двинулась к выходу.

Диван, словно предчувствуя разлуку, на прощание жалобно звякнул всеми своими внутренностями. И тут из глубины сиденья вырвался короткий зелёный огонёк.

Сеня моргнул.

Огонёк исчез.

— Показалось, — пробормотал он.

Через минуту в квартире воцарилась непривычная, звенящая пустота. На месте, где тридцать лет стоял диван, осталось огромное чистое пятно на паркете, окружённое вековой пылью и тремя засохшими мятными конфетами.

Сеня стоял посреди комнаты, сжимая в кулаке десять тысяч, и чувствовал себя великим комбинатором, который только что обвёл вокруг пальца всю мировую систему капитализма.

— Шо тут за митинг и где трибуна? — раздался сзади громовой голос.

Сеня медленно обернулся.

Тётя Соня стояла в дверях гостиной. Глаза ещё заспанно моргали, но взгляд уже зафиксировал две вещи: отсутствие дивана и пачку денег в руке племянника.

— Сеня... — тётя Соня медленно поплыла к нему, как авианосец на параде. — Я не поняла. Где эта халабуда? И шо это за макулатура у тебя в руках? Только не говори мне, шо ты продал дедовскую память за настоящие деньги. Я этого не перенесу, у меня поднимется давление!

— Тётя Соня, успокойтесь. — Сеня гордо выпятил грудь. — Ваш племянник только шо совершил гешефт века. Я продал эти дрова какому-то сумасшедшему за десять тысяч рублей! Без торга!

Тётя Соня вырвала пачку из его руки с быстротой голод-

ной кобры, пересчитала купюры за две секунды и спрятала их в недра своего необъятного халата.

— Десять тысяч? — протянула она.

На её лице появилась подозрительная улыбка.

— Ну надо же... Оказывается, от тебя есть какая-то польза, кроме вреда для моего здоровья. Пойду поставлю чайник. Будем праздновать освобождение от оккупации.

Она ушла на кухню, напевая весёлый мотивчик.

Сеня расслабился, засунул руки в карманы и решил напоследок подобрать с пола старые дедушкины конфеты. Нагнулся — и заметил плинтус, который тридцать лет был скрыт спинкой дивана.

Прямо над ним, на старых обоях, дедовской рукой было выцарапано что-то странное.

Сеня присмотрелся. Это были не просто формулы. Среди интегралов, цифр и значков бесконечности чётким почерком деда Арона было написано:

«Без квантового ключа безопасный запуск невозможен. Любая попытка обойти защиту приведёт к аннигиляции районного масштаба. Арон».

Сеня так и замер на четвереньках. Из кухни донёсся весёлый свист чайника, а Сене вдруг стало очень и очень холодно.

Глава 3. Завещание деда Арона

Сеня всё ещё стоял на четвереньках перед плинтусом, напоминая большую задумчивую собаку, которая впервые в жизни увидела пылесос и теперь пытается понять, имеет ли эта штука к ней какие-то личные претензии.

Слова «квантовый ключ» и «аннигиляция» никак не хотели укладываться в его голове рядом с воспоминаниями о деде Ароне в засаленном халате, который шумно прихлёбывал чай из блюдечка на всю кухню и грыз сахар вприкуску.

— Сеня! Ты шо, решил усыновить эту пыль или проверяешь крепость паркетных досок своим лбом?

Тётя Соня вошла в комнату, неся на подносе два стакана чая в серебряных подстаканниках и тарелочку с домашним печеньем, которое по твёрдости могло успешно конкурировать с гранитной крошкой.

— Встань с колен, на тебя больно смотреть. Ты выглядишь так, будто тебе только что объявили, шо ты должен содержать всю нашу родню до третьего колена.

Сеня медленно поднялся, с трудом разгибая затёкшую спину.

— Тётя Соня... Вы помните, чем дедушка Арон занимался по ночам? Ну, кроме того, шо он кашлял так, шо просыпался весь подъезд, и читал газету «Гудок»?

Тётя Соня поставила поднос на стол и тяжело вздохнула.

Этот вздох мог бы заглушить сирену гражданской обороны.

— Ой, Сеня, не делай мне вырванные годы. Твой дедушка Арон был человек великого ума, но совершенно без царя в голове. Он сорок лет чинил будильники в мастерской на углу, но дома... он строил то, шо называл «аппаратами будущего». То у него радиоприёмник начинал ловить передачи из Кливленда за тысяча девятьсот тридцатый год, то он изобрёл машинку для чистки картофеля, которая при включении выбила пробки во всём квартале и заставила дворового пса заговорить на чистом французском. Арон всегда говорил, шо наука — это как хорошая фаршированная рыба: требует терпения и секретных специй.

— А про квантовый ключ он ничего не говорил? — Сеня указал дрожащим пальцем на стену. — Посмотрите сюда, тётя Соня. Над плинтусом.

Тётя Соня прищурилась, наклонилась, насколько позволял её монументальный корсет, и прочитала надпись деда. На секунду её лицо приняло выражение глубокого раздумья, а потом она выпрямилась и махнула рукой так пренебрежительно, будто ей предложили купить поддельный швейцарский хронометр.

— А-а, эти его штучки... Он перед смертью совсем заговаривался. Всё искал какую-то шкатулку, твердил, шо оставил тебе, Сенечка, наследство, от которого у американских капиталистов лопнут пуговицы на жилетах. Но мы-то знаем, какое у Арона было наследство: три пары кальсон с начёсом,

набор надфилей и долг в аптеке за мятные капли.

— Какую шкатулку? — Сеня уцепился за это слово, как утопающий за соломинку. — Тётя Соня, где она?

— Да откуда я знаю? Лежит где-то на антресолях, покрывается позором и вековой пылью. Рядом со старыми журналами «Наука и жизнь». И вообще, Сеня, пей чай, пока он не стал похож на помой, и не забивай себе голову глупостями. Тебе надо подумать, во что переодеться, потому что скоро придут мастера собирать чехословацкую стенку. Они не должны видеть моего племянника в этих рваных трениках, как какого-то шлемазла с вокзала!

Но Сеня её уже не слышал.

В его мозгу, обычно ленивом и склонном к созерцанию, вдруг закрутились шестерёнки, которые не работали со времён экзамена по физике на первом курсе.

Он бросился в коридор, притащил из кухни старую колченогую табуретку, водрузил её под антресолями и, балансируя как канатоходец в цирке, полез в тёмные недра.

— Сеня, если ты упадёшь и сломаешь себе шею, я не буду хоронить тебя за свой счёт! — донёсся из гостиной ободряющий крик тёти Сони.

На Сеню сыпались старые газеты, пустые банки из-под майонеза, моток ржавой проволоки и чей-то левый ботинок сорок пятого размера, пока наконец пальцы не наткнулись на тяжёлый предмет, обтянутый потемневшей от времени кожей, с медными уголками.

Сеня вытащил находку и, расчихавшись от поднявшейся пыли, осторожно спустился с табуретки.

Шкатулка деда Арона выглядела так, словно её сделали в какой-то тайной лаборатории. На потемневшей кожаной крышке была выгравирована странная смесь шестерёнок, звёзд и радиоламп. Вместо замка по центру располагался круглый часовой циферблат.

Сеня сел за стол и вытер шкатулку рукавом. Тётя Соня тут же подошла ближе, вытягивая шею.

— Ну и шо это за сейф? Тут есть золото? Если там нет хотя бы одной приличной серёжки, ты зря поднял эту пыль, Сеня.

Сеня покрутил маленькое колёсико сбоку. Стрелки послушно забегали по циферблату, но шкатулка открываться не собиралась.

— Сеня, ты возишься так долго, шо я успею состариться ещё раз, — не выдержала тётя Соня. — Ну-ка дай сюда.

Она решительно отодвинула племянника, перехватила шкатулку и с силой крутанула колёсико до упора назад, а потом резко — вперёд.

Внутри что-то жалобно пискнуло, раздался мелодичный звон, похожий на бой старинных курантов, и крышка с тихим шипением открылась сама собой.

Изнутри пахло канифолью, озоном и старым табаком.

— Таки сломала, — обречённо сказал Сеня.

— Молчи. Оно открылось.

Внутри не было ни золота, ни бриллиантов.

Там лежал толстый блокнот в кожаном переплёте, испи-
санный мелким убористым почерком деда Арона, и стран-
ный прибор, похожий на помесь компаса с карманным фо-
нариком. В его центре тускло мерцала маленькая стеклянная
колбочка.

Сеня осторожно взял блокнот.

На первой странице размашисто было написано:

«Моему внуку Сене, который, я надеюсь, к моменту про-
чтения этого текста стал приличным человеком, а не просто
тратит кислород на Литейном».

Сеня шмыгнул носом.

— Дед знал меня как облупленного.

Он перелистнул страницу и начал читать вслух, спотыка-
ясь на сложных терминах:

«Сенечка, если ты читаешь это, значит, меня уже нет, а
мир всё ещё крутится, хотя и с явным скрипом.

В тысяча девятьсот двенадцатом году я и группа молодых
учёных из нашего тайного кружка “Бней-Наука” разработа-
ли теорию квантового смещения эфира. Мы построили то,
шо царское правительство назвало бы чудом, а мы назвали
просто — Лунный модуль.

Мы спрятали его на обратной стороне Луны, в районе кра-
тера Циолковский.

Это не просто кусок железа, Сеня. Там находится гене-
ратор чистой энергии, способный снабжать электричеством

всю планету пятьсот лет. Бесплатно.

Но царская охранка наступила нам на хвост, и проект пришлось законсервировать. Координаты и квантовый ключ я спрятал...»

Сеня замолчал.

Медленно поднял глаза на тётю Соню.

Тётя Соня стояла с открытым ртом, а стакан с чаем в её руке опасно накренился.

— Читай, — сказала она.

Сеня сглотнул.

— «...в обшивке моего любимого дивана. В третьей пружине слева.

Без этого ключа безопасный запуск невозможен. Попытка обойти защиту приведёт к аннигиляции районного масштаба.

Но помни, внучок: если ключ попадёт к людям без совести — например, к Борису Моисеевичу из антикварной лавки, который много лет пытается выведать у меня этот секрет, или к международным синдикатам, — они сделают из этого оружие.

А от нашего района останется только воспоминание и большая воронка.

Береги диван, Сеня. Он дороже, чем все сокровища мира».

В комнате повисла такая тишина, что стало слышно, как в соседской квартире капает вода из крана.

Сеня медленно перевёл взгляд на огромное чистое пятно на паркете, где ещё полчаса назад стояло спасение человечества.

— Тётя Соня... — прошептал он. — Мы только шо продали баланс сил за десять тысяч рублей какому-то поцу в сером плаще.

Тётя Соня медленно поставила стакан на стол.

На её лице за несколько секунд отразилась такая гамма чувств — от глубокого шока до ветхозаветного гнева, — что Сеня на всякий случай отступил за табуретку.

— Сеня... — тихо, зловеще начала она. — Ты хочешь сказать, шо тот очкастый шлемазл, которому ты продал диван, увёз с собой квантовый ключ деда Арона?

— Похоже на то, тётя Соня.

— И если этот очкастый работает на Бориса Моисеевича, этот старый выжига теперь станет властелином Вселенной?

— Ну... насчёт Вселенной я бы пока не спешил, но район ему точно лучше не доверять.

Тётя Соня выпрямилась.

Её глаза сверкнули, как два прожектора.

Она вытащила из халата пачку денег и швырнула её Сене под ноги.

— Сеня! Бери эти фантики! Бери дедовский компас! Бери свои ноги в руки и беги искать этот диван! Если ты не вернёшь мебель деда Арона до того, как этот мир взлетит на воздух, я лично сделаю тебе такую аннигиляцию, шо Луна

покажется тебе курортом в Гаграх!

Сеня схватил деньги, блокнот, странный прибор и уже рванул к двери.

— Сеня!

Он обернулся.

Тётя Соня грозно подняла палец.

— И диван верни целым. Мне теперь интересно, за сколько его можно продать второй раз.

— Тётя Соня!

— Бегом, Сеня, бегом!

Глава 4. Схватка за валидол

Когда тётя Соня находится в состоянии библейского гнева, воздух в радиусе трёх кварталов сгущается до консистенции горохового супа, а домашние животные предпочитают притворяться деталями интерьера. Кот Зяма, например, забился под ванну и не подавал признаков жизни, справедливо рассудив, что квантовый апокалипсис — это проблема людей, а у него по расписанию сухой корм и созерцание прекрасного.

Сеня лихорадочно запихивал дедовский блокнот в карман куртки, параллельно пытаясь удержать в руках странный прибор с мерцающей колбой. Странный фонарик, который в дневнике именовался «эфирным пеленгатором системы Бланкштейна», вёл себя беспокойно: колбочка внутри то загоралась тревожным оранжевым светом, то начинала тихонько икать, как старый радиоприёмник.

— Сеня, ты ещё здесь? — Тётя Соня стояла посреди гостиной, держа в одной руке флакон валидола, а в другой — пустой стакан, и выглядела как памятник родине-матери, которой временно задерживают выплату пенсии. — Твои ноги всё ещё топчут этот паркет, в то время как наш семейный капитал вместе с будущим всего цивилизованного человечества удаляется отсюда со скоростью грузового такси?

— Тётя Соня, я уже одной ногой на улице! — оправды-

вался Сеня, безуспешно пытаюсь натянуть кроссовку без помощи рожка. — Но вы мне объясните: как я найду этого покупателя? Он назвался Ивановым, а его аккаунт на сайте уже удалён! Телефон, с которого он звонил, наверняка куплен на вокзале у цыган за две копейки и уже покоится в ближайшей урне!

Тётя Соня посмотрела на него так, как смотрят на человека, который предлагает лечить аппендицит силой мысли.

— И это говорит человек, который шесть лет моей жизни просидел за компьютером, а сам до сих пор не знает как найти в интернете одного поца? Сеня, зачем тебе голова? Чтобы в неё кушать форшмак? Если этот очкастый пользовался интернетом, значит, он оставил там свой грязный след! У тебя есть этот твой друг... как его... Марк, который сидит в своих наушниках круглые сутки с таким видом, будто взламывает серверы Пентагона, хотя на самом деле просто качает бесплатное кино?

— Марик? — Сеня замер со второй кроссовкой в руках. — Точно, Марик! Марик может вытащить данные даже из утюга, если этот утюг хотя бы раз включали в розетку.

— Вот и беги к своему Марику! — Тётя Соня накапала себе в стакан ровно тридцать капель валидола. — И передай ему от меня: если он найдёт этого мебельного террориста, я лично испеку ему его любимый маковый рулет. А если не найдёт... я найду его маму и скажу ей, шо её сын занимается в интернете вещами, от которых у приличных людей красне-

ют даже уши!

Сеня не стал уточнять, какие именно вещи имеет в виду тётя Соня. Он выскочил на лестничную клетку, перепрыгивая через три ступеньки, и полетел вверх. В кармане куртки хрустели десять тысяч от продажи дивана — стартовый капитал космической спасательной операции.

Марик жил в том же доме, но тремя этажами выше. Его квартира напоминала свалку высокотехнологичных отходов: повсюду тянулись провода, на столах громоздились материнские платы, а в углу мирно гудел огромный самодельный сервер, собранный из старого компьютерного железа и почему-то втиснутый в пластиковый таз для белья. Сам Марик — худой, бледный парень с копной нечёсанных кудрявых волос и в футболке с надписью «Error 404: Sleep Not Found» — сидел перед тремя мониторами сразу, быстро стуча пальцами по клавиатуре.

— Марик, беда! — Сеня ворвался в комнату без стука, едва не запутавшись в сетевом кабеле. — Мир на грани катастрофы, тётя Соня пьёт валидол вёдрами, а дедовский диван уехал в неизвестном направлении с квантовой начинкой!

Марик даже не повернул головы. Только левый глаз нервно дёрнулся, а пальцы продолжали летать по клавишам.

— Сеня, — монотонно произнёс компьютерный гений местного разлива. — Если твоя тётя Соня опять перепутала кнопку включения монитора с кнопкой вызова лифта, то я занят. У меня тут падает сервер, и если он упадёт оконча-

тельно, мне придётся идти работать на завод, а там, говорят, надо просыпаться в восемь утра. Это против моей религии.

— Марик, какой лифт? Какой завод? — Сеня схватил друга за плечи и насильно развернул его кресло к себе. — Я продал диван деда Арона! А дед, оказывается, спрятал в одной из пружин ключ от Лунного модуля с генератором чистой энергии! Понимаешь? За диваном приехал тип, назвался Ивановым, забрал его за десять штук без торга, а теперь его аккаунт удалён! Мне нужно вычислить его по цифровому следу, прямо сейчас!

Марик наконец сфокусировал взгляд на Сене. В его глазах появилось слабое подобие интереса.

— Квантовый ключ? В диване? — Марик почесал затылок. — Твой дед Арон, конечно, был легендарным фриком, но чтобы такое... Ладно, покажи мне объявление.

Сеня протянул свой треснутый смартфон. Марик взял его двумя пальцами, безглаголиво осмотрел экран и подключил аппарат к компьютеру через шнур. На одном из мониторов мгновенно побежали строчки зелёного кода.

— Так, — забормотал Марик, придвигаясь ближе к экрану. — Аккаунт покупателя действительно удалён. Но кэш и метаданные остались. Секунду... Этот твой «Иванов» заходил через прокси-сервер. Думал, что он самый умный. Но вот тут прокололся. Аккаунт привязан к корпоративной почте. ООО «Раритет-Инвест». И угадай, кто является генеральным директором и единственным учредителем этой

конторы?

У Сени неприятно засосало под ложечкой. Перед глазами всплыли строчки из дедовского дневника: «...если ключ попадёт к людям без совести — например, к Борису Моисеевичу из антикварной лавки...»

— Борис Моисеевич... — тихо сказал Сеня.

— ...Керзон, — кивнул Марик, разворачиваясь на кресле. — Тот самый антиквар, который в прошлом году пытался продать твой сломанный велосипед под видом самоката императора Николая Второго. Похоже, Керзон давно ждал, когда этот диван всплывёт, Сеня. Ты выставил объявление — и через семь минут его люди уже были на связи.

Сеня схватился за голову.

— Ой-вэй... Это же не просто выжига, это человек, который за копейку удавит собственную тень, а тут у него в руках бесплатная энергия на пятьсот лет! Он же продаст её первому встречному диктатору или сделает из нашего района элитный курорт с платным входом! Марик, где диван? Где они сейчас?

Марик снова повернулся к монитору, нажал несколько клавиш и вывел на экран карту города. На ней мигала жирная красная точка, которая медленно, но верно двигалась по проспекту.

— Я нашёл их заказ на грузовое такси, — сказал Марик, и на его бледном лице появилась азартная ухмылка. — Они оформили доставку через корпоративный аккаунт. Машина

с твоим диваном прямо сейчас едет на юго-восток. Не в антикварную лавку, Сеня, а на закрытый складской терминал у сортировочной станции. Оттуда грузы уходят по всей стране. Если они погрузят диван в состав, ты его больше никогда не увидишь.

Сеня посмотрел на мигающую точку на карте. Времени оставалось мало.

— Марик, — Сеня вытащил из кармана пачку денег и хлопнул её по столу рядом с клавиатурой. — Здесь десять тысяч. Это всё, шо у меня есть. Мне нужна твоя помощь. Твои мозги, твоя машина и твоё полное отсутствие инстинкта самосохранения. Мы должны перехватить этот диван до того, как Керзон сделает из него международный скандал!

Марик посмотрел на деньги, потом на Сеню, потом на мерцающий пеленгатор деда Арона.

— Десять тысяч? — протянул хакер. — И маковый рулет от тёти Сони?

— Два рулета! — отрезал Сеня. — И она больше никогда не будет называть тебя «очкастым тунеядцем» перед соседями!

Марик решительно захлопнул крышку ноутбука, схватил со стола ключи от своей старенькой, наполовину проржавевшей «девятки» и поднялся с кресла.

— Ну шо, Сеня, — сказал он. — Поехали спасать твои дрова. Если нас там укокошат, мне хотя бы не придётся завтра удалять вирусы с компьютера главного бухгалтера

ЖЭКа.

Глава 5. Первый след и шпионские страсти

Старая Марикова «девятка» цвета «гнилая вишня» двигалась по городу с таким грохотом, будто внутри её мотора бригада пьяных гномов разбирала на металлолом старый паровозный котёл. Машина пахла бензином, дешёвым освежителем воздуха «Новая машина» и нереализованными амбициями отечественного автопрома. Сеня сидел на переднем сиденье, вцепившись обеими руками в приборную панель, которая вибрировала с частотой тридцать герц, вызывая мелкую дрожь в коленях и крупную — в мыслях.

— Марик, я извиняюсь спросить как недоучившийся бухгалтер у гения электроники, — перекрикивая вой коробки передач, проорал Сеня. — Но если мы врежемся в этот трамвай, нас опознают по паспортам или по остаткам твоей материнской платы на асфальте? Почему эта халабуда едет так, будто у неё вместо колёс квадратные дыни?

— Сеня, не порть мне аэродинамику своими глупыми вопросами! — Марик, вцепившись в руль мёртвой хваткой, отчаянно маневрировал между троллейбусами. На его коленях лежал раскрытый ноутбук, подключённый к прикуривателю через гирлянду искрящихся проводов. — Моя машина, как хорошая еврейская тёща, снаружи ворчит, внутри кипит, но

если её правильно попросить, она довезёт тебя хоть до Катманду. Смотри лучше на экран! Красная точка замедлилась. Они въезжают в промзону у товарной станции.

Сеня глянул на монитор. Жирный маркер, обозначавший грузовик с диваном, замер посреди лабиринта серых прямоугольников, подписанных как «Склады литер Б».

В этот момент эфирный пеленгатор деда Арона, лежавший у Сени в кармане, внезапно ожил. Он издал звук, похожий на чихание простуженного бегемота, и выдал на лобовое стекло тонкий, едва заметный в дневном свете луч зелёного лазера. Луч упёрся аккуратно в зеркало заднего вида, заставив его зловеще мерцать.

— Ой-вэй, Марик, кажется, дедушкин прибор поймал сигнал! — Сеня вытащил пеленгатор. Колбочка внутри бурлила, как манная каша в кастрюле, под которой забыли выключить газ. — Он показывает, шо диван близко. И судя по этому миганию, третья пружина уже фонит на всю округу!

— Или у него просто закоротило батарейку от вибрации моего глушителя, — скептически хмыкнул Марик, закладывая крутой вираж направо, под ржавую арку с полустёртой надписью «База Казметторг. Вход строго по пропускам».

Промзона встретила друзей каноническим пейзажем эпохи развитого застоя: бесконечные бетонные заборы, утыканные битым стеклом, лужи размером с хорошее озеро и стаи бродячих собак, которые лениво провожали взглядом их громыхающую колымагу.

Марик заглушил мотор за штабелем деревянных поддонов. Машина издала прощальный пшик и затихла, пуская из-под капота сизый дымок.

— Всё, приехали, — шепнул хакер, захлопывая ноутбук. — Дальше пешком. Если нас поймают охрана, Сеня, я скажу, что ты мой лечащий психиатр и мы ищем здесь твой сбежавший халат. Потому что трезвые люди сюда по доброй воле не ходят.

Они вылезли из машины и, пригибаясь, двинулись вдоль длинного кирпичного ангара. Пеленгатор в руке Сени становился всё теплее. Колбочка горела уже не зелёным, а густым, ядовито-малиновым светом.

— Тсс! — Сеня дёрнул Марика за рукав и увлёк его за ржавый контейнер.

Впереди, у распахнутых ворот склада № 4, стоял жёлтый грузовичок, на котором увезли семейную реликвию. Двое амбалов в серых кепках, которые ещё недавно топтали паркет тёти Сони, как раз выгружали диван на асфальт. Бедный бордовый монстр выглядел посреди этой серости как обнищавший аристократ, попавший на принудительные работы. Его пружины жалобно поскрипывали.

Рядом с грузовиком, заложив руки за спину и покачиваясь на каблуках дорогих туфель, стоял сам Борис Моисеевич Керзон. Антиквар выглядел элегантно, как старый одесский налётчик на пенсии: кашемировое пальто, шёлковый шарф и фетровая шляпа, из-под которой выбивались аккуратные

седые букли. В зубах он зажал незажжённую сигару и с плотоядной улыбкой смотрел на диван.

— Осторожнее, поцы! — донёсся до Сени его вкрадчивый, скрипучий голос. — Если вы поцарапаете эту ножку, я заставлю вас всю оставшуюся жизнь продавать китайские подделки под видом Фаберже на привокзальной площади! Аркаша! Где этот оболтус с инструментами? И почему я должен торчать на этом сквозняке, как бесхозный чемодан?

Из недр склада выскочил тот самый «гражданин Иванов» в очках. В руках он тащил огромный чемодан с инструментами, в котором звякали ножовки и пассатижи.

— Я здесь, Борис Моисеевич! Всё готово! Лабораторный стол установлен, портативный генератор подключён. Мы можем вскрывать обивку прямо здесь.

Сеня почувствовал, как у него внутри всё похолодело. Они собирались резать диван, чтобы добраться до третьей пружины деда Арона прямо посреди ржавых контейнеров!

— Ой-вэй, Марик, они сейчас сделают вскрытие моему детству, — прошептал Сеня, хватая друга за плечо. — Надо что-то делать! Если они вытащат ключ, Керзон станет Керзоном Величественным, а мы с тётей Соней останемся с носом и чехословацкой стенкой!

— Спокойно, Сеня, не делай волны, — Марик прищурился, оценивая обстановку. — Их четверо, включая водителя грузовика. У них ломы и пассатижи, а у нас из оружия только твой треснутый телефон и дедовский фонарик, который

икает. Прямой штурм отменяется из-за явного дефицита нашего бессмертия. Нужен обходной манёвр.

— Какой манёвр, Марик? Через три минуты Керзон запустит свои грязные руки в дедовский поролон!

Марик залез в рюкзак и вытащил маленькую чёрную коробочку с двумя антеннами — самодельный генератор помех, собранный им когда-то для срыва контрольных работ по математике.

— Видишь вон тот распределительный щит на стене склада? — Марик указал на серый ящик, от которого во все стороны тянулись силовые кабели. — Я устрою им маленький технический апокалипсис. Свет погаснет, связь ляжет, они запаникуют. В этот момент ты должен...

— Шо я должен? — сглотнул Сеня.

— Ты должен проявить свои лучшие еврейские качества, Сеня. Ты должен выйти к ним и начать делать им нервы так профессионально, чтобы они забыли, зачем вообще сюда приехали. А я тем временем обойду склад с тыла и попробую завести их грузовик. У этих моделей замок зажигания — чистая формальность. Мы заберём диван вместе с машиной!

Сеня посмотрел на Марика с ужасом, смешанным с глубоким уважением.

— Марик, ты сумасшедший. Интернет у тебя напрочь отключил чувство самосохранения. Но у меня нет выбора. Включай свою шайтан-коробку. Я пошёл на амбразуру.

Сеня поправил куртку, нацепил на лицо улыбку человека,

который только что выиграл миллион в лотерею, но забыл, куда положил билет, и решительно вышел из-за контейнера прямо навстречу Керзону и его банде.

— Шалом алейхем, Борис Моисеевич! — громко, на всю промзону, выкрикнул Сеня. — Какая встреча! А я иду, смотрю — приличные люди стоят среди ржавого железа и так внимательно смотрят на мои старые дрова, будто это не диван Бланкштейна, а по меньшей мере трон царя Соломона! Как поживает ваше здоровье, Борис Моисеевич? Почему вы не на море?

Глава 6. Охота начинается

Борис Моисеевич Керзон вздрогнул так, словно под его кашемировое пальто запустили живого рака. Медленно, с аристократическим презрением, он повернулся к Сене. Сигара в его зубах угрожающе качнулась, напоминая оружейный ствол.

— Мама дорогая... — проскрипел антиквар, прижимая ладонь в лайковой перчатке к груди. — Аркаша, посмотри на это явление Христа народу. Откуда здесь взялся этот поц? Сеня Бланкштейн! Тебя не учили в детстве, шо приличные люди не подкрадываются к чужому гешефту сзади, как налётчики с Молдаванки?

— Борис Моисеевич, я вас умоляю. — Сеня вальяжно подошёл ближе, пряча дрожащие руки в карманах. — Какой такой «чужой гешефт»? Вы стоите возле мебели, на которой я лично заработал свои первые мозоли. И называете это чужим? Это же чистый грабёж среди бела дня, причём без огнестрельного оружия, шо само по себе обидно для вашей репутации.

Амбалы в кепках шагнули вперёд, хрустя суставами, но Керзон остановил их лёгким взмахом руки. Глаза старого лиса сощурились, превратившись в две узкие щёлочки, за которыми будто заработал калькулятор.

— Сеня, детка, ты сделал сделку? Сделал. Деньги полу-

чил? Получил. Всё, птичка улетела, гнездо опустело. Этот исторический артефакт теперь принадлежит компании, в которой ты даже не числишься швейцаром. Иди домой, Сенечка, кушай сырники и не делай волны в стакане воды.

В этот момент за спиной Керзона, в глубине склада, раздался сухой треск. Из распределительного щитка вырвался сноп синих искр, осветивший мрачный ангар ярче бенгальского огня. Инструменты в руках Аркаши-Иванова жалобно звякнули, а портативный генератор издал предсмертный хрип, пустил струю чёрного дыма и заглох. На промзону опустилась внезапная тишина, нарушаемая только далёким гудком маневрового тепловоза.

— Ой-вэй! Шо это за фейерверк? — подпрыгнул Аркаша.
— Борис Моисеевич, у нас вся аппаратура приказала долго жить! Мой телефон... он сдох! Экран чёрный, как моя карма!

— Тише, идиот! — прикрикнул на него Керзон.

Он торопливо вытащил из кармана хромированный телефон. Экран моргнул и погас.

— Сеня... Это твои штучки? Ты притащил сюда какую-то гадость?

— Борис Моисеевич, ну зачем вы так плохо думаете за своего соседа? — запричитал Сеня, изображая крайнюю степень удивления. — Это же обычная привокзальная сырость! Тут такие блуждающие токи, шо у моей бабушки сорок лет назад утюг сам по себе разговаривал голосом диктора Ле-

витана. Вы лучше посмотрите на небо, кажется, собирается гроза. Самое время вернуть мне диван за те же десять тысяч, пока его не побил градом.

Пока Сеня заговаривал зубы антикварной компании, с другой стороны грузовика бесшумно проскользнул Марик. Он нырнул в кабину жёлтого фургона, пригнулся под рулём и полез к проводам зажигания.

Керзон тем временем начал терять терпение. Его холёное лицо исказилось от злости.

— Аркаша, Гриша, Миша! Хватит этих разговоров! — рявкнул он. — Хватайте этого поца и выставьте за ворота так, чтобы он летел до самого Литейного без остановок! А диван грузите обратно в кузов. Увозим его отсюда к чёртовой матери — тут действительно какая-то аномалия!

Два тяжеловеса двинулись на Сеню, как бульдозеры на ветхий забор.

Сеня попятился, нащупывая в кармане дедовский пеленгатор. Прибор раскалился так, что сквозь ткань начало припекать. Колбочка внутри бешено вибрировала, словно пыталась вырваться наружу.

— Стоять! — вдруг закричал Сеня таким голосом, какого сам от себя не ожидал. — Ни шагу назад, как говорили в сорок первом! Вы знаете, шо внутри этого дивана? Если вы его тронете без уважения, тут начнётся такая физика, от которой у вас кепки поплавают вместе с мыслями!

Амбалы на секунду замерли.

И тут из-под капота грузовика раздался яростный рёв мотора.

Марик сумел замкнуть стартер напрямую. Жёлтый фургон резко сдал назад, смяв ржавое ведро, и остановился вплотную к дивану. Дверь кабины распахнулась, оттуда высунулась взъерошенная голова хакера.

— Сеня, хватай дрова! Живо! — заорал Марик. — Долго движок на этой скрутке не протянет!

Сеня бросился к дивану и вцепился в нижнюю раму.

— Марик, помогай!

Хакер выскочил из кабины. Вдвоём они подхватили тяжёлую махину, перевалили через край кузова — и диван с грохотом рухнул в кузов.

— Грабёж! Разбой! Посреди бела дня! — взвыл Борис Моисеевич, хватаясь за шляпу, которую едва не сорвало выхлопом. — Ловите их!

Гриша и Миша бросились наперерез, но Сеня уже на ходу запрыгнул на подножку фургона и захлопнул пассажирскую дверь.

Марик врубил первую передачу, втопил газ, и машина, взревев как раненый мамонт, рванула с места, оставляя Кержона и его людей в густом облаке сизого дыма.

— Мы сделали их! Сеня, мы сделали эту старую акулу! — хохотал Марик, крутя руль, пока грузовик прыгал по ухабам промзоны, устремляясь к выезду.

— Марик, не радуйся раньше времени, — тяжело дыша,

ответил Сеня и оглянулся назад. — Посмотри в зеркало. Эта старая акула имеет очень хорошие связи и очень быстрые ноги.

Позади них, пробивая завесу дыма, с визгом покрышек из ворот склада вылетел огромный чёрный седан Керзона.

Охота началась.

Глава 7. Диван уходит на восток

Если вы думаете, шо управлять грузовиком выпуска прошлого века во время погони — это романтика, то вы, скорее всего, никогда не пробовали удержать на дороге взбесившийся комод на колёсах. Жёлтый фургон под управлением Марика подпрыгивал на дорожных стыках так неистово, словно у него внутри проснулся дух молодого кенгуру. Сзади, в закрытом кузове, с грохотом катался дедовский диван, глухо ударяясь подлокотниками о металлические стенки и издавая звуки, от которых у Сени каждый раз сжималось сердце.

— Марик, я, конечно, дико извиняюсь, но этот чёрный катафалк позади нас приближается с такой скоростью, будто у него в баке залит не бензин, а чистый шотландский виски! — Сеня испуганно покосился в боковое зеркало, где седан Керзона неумолимо заполнял собой весь обзор. — Сделай что-нибудь со своими педалями, иначе через две минуты Борис Моисеевич устроит нам досрочные похороны по первому разряду!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.